

Литература

1. Генинг В.Ф. Могильник Качка // Отчеты К(В)АЭ. – М., 1959а. Вып.1. – С. 196-209.
2. Лепихин А. Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. – Березники, 2007. – 224 с.
3. Поляков Ю.А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. – Березники, 2001а. Вып.1. – С. 10–19.
4. Поляков Ю.А. Гляденовская культура в Верхнем и Среднем Прикамье (III в. до н. э. – середина VI в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 1978 // Архив КАЭ Перм. гос. ун-та.
5. Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Вып.148. 1967. – С. 197-215.
6. Поляков Ю.А. Керамика гляденовской культуры // Finno-Ugrica. 1999. №1. – С. 4-10.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВОСИБИРСКОГО ВАРИАНТА КУЛАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Д.Т. Яковлев

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

Научный руководитель – к.и.н., доцент И.А. Дураков

С момента выделения кулайской культуры прошло уже более 60 лет [Чернецов, 1953, с. 171], за прошедший период история ее изучения прошла длительный путь становления и развития. В 1979 г. Т.Н. Троицкой было предложено и обосновано выделение новосибирского варианта этой культуры [Троицкая, 1979]. Происхождение варианта объяснялось миграцией кулайского населения на территорию Новосибирского Приобья в конце III в. до н. э. [Троицкая, 1979, с. 45]. Исследователями выделяется две волны миграции [Троицкая, 1979, с. 46-47, Чиндина, 1984, с. 160]. Само переселение представляется фронтальным движением вдоль русла реки Оби значительных людских масс, с вытеснением и ассимиляцией обитавших здесь ранее носителей большереченской (каменской) и кижировской культур.

Однако не все известные в настоящее время данные укладываются в эту теорию. Например, ряд материалов свидетельствует о длительном одновременном обитании кулайских и большереченских племен. Остановимся на некоторых из них. На территории ряда большереченских курганов могиль-

ника Быстровка-3 прослежены захоронения с кулайской керамикой и изготовленным в кулайском стиле инвентарем (серебряная личина, бронзовая зооморфная подвеска) [Дураков, Мжельская, 1995]. Причем все эти захоронения расположены на наименее престижных местах сакрального пространства – в огораживающих его рвах или вплотную к ним. На могильнике Ордынское-1 ров большереченского кургана №1, судя по стратиграфии, перерезает кулайское погребение. Исходя из этого, вызывает сомнение более поздняя датировка (I в до н. э. – I в н. э.) кулайской части могильника.

О длительных кулайско-большереченских контактах свидетельствует и классический (и в настоящее время самый крупный) могильник новосибирского варианта кулайской культуры – Каменный Мыс. Анализ керамического комплекса памятника показал неоднородность его состава. Нами был проведен статистический анализ 87 сосудов (хранятся в многопрофильном музее НГПУ: колл. №160, 169, 179, 220, 226, 227, 330). Часть обнаруженной керамики относится к кулайской культуре (41 экземпляр, 47,2%), в то же время в могильнике содержится большереченская керамика (29 экземпляров, 33,3%) и сочетающая большереченскую форму с кулайской орнаментацией (14 экземпляров, 16,1%).

Прослеживается неравномерность распределения выявленных типов по курганам. В кургане №13 количество кулайской керамики составляет 82%, а в курганах 12 и 14 она достигает 100%. В кургане №10 ее доля составляет 41,7%, в кургане №4 – 55,5%. Доля кулайского комплекса в кургане №3 составляет 37,8%, большереченского – 40,5%, смешанного – 21,7%. Курган №23 содержал только 25% кулайских сосудов, 50% – большереченских и 25% – смешанных, в кургане №5 кулайская керамика отсутствует.

Соотношение основных типов керамики в элитных захоронениях также неравномерно. В кургане №3 в богатых захоронениях кулайская керамика составляет 32%, большереченская – 41%, смешанная – 27%. В элитных погребениях кур. 4 кулайская керамика составляет 62%, а в кургане 10 всего 28%. Таким образом, в основных курганах могильника количество большереченской и смешанной керамики в богатых могилах больше среднестатистического показателя по всему комплексу в целом.

Прослеженная на могильнике Каменный Мыс ситуация не уникальна, практически идентичную картину демонстрируют и поселенческие комплексы новосибирского варианта кулайской культуры. Городища Дубровинский Борок-3 и Дубровинский Борок-4 находятся на берегу реки Уень у села Черный мыс Кольванского района в 3 км к северо-востоку от рассмотренного выше могильника Каменный мыс [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 85; Троицкая, 1979, с. 25].

Городище Дубровинский Борок-3 с южной стороны ограничен берегом р. Уень, с остальных трех сторон окружен рвом и валом. К северо-западной стороны к нему примыкает городище Дубровинский Борок-4, ров которого с одной стороны упирается в оборонительные сооружения Дубровинский Борок-3 с другой – в берег р. Уени. Таким образом, оба объекта, и Дубровинский Борок-3, и Дубровинский Борок-4, явно составляют одно городище и были разделены на два памятника условно. Причем логика развития оборонительных сооружений городища позволяет предположить, что сначала были построены укрепления Дубровинского Борка-3, потом к нему пристроен Дубровинский Борок-4. Однако в работах, посвященных исследованиям Дубровинского Борка, эти памятники рассматриваются как самостоятельные разновременные городища. Дубровинский Борок-3 относят к I в. до н. э. – I в. н. э. [Троицкая, 1979, с. 30]. Дубровинский Борок-4 – к III-I вв. до н. э. [Троицкая, Романцова, Матвеева, 1973, с. 70]. Более того, оба комплекса отнесены к разным этапам существования новосибирского варианта кулайской культуры: Дубровинский Борок-4 – к первому [Троицкая, 1979, с. 20], а Дубровинский Борок-3 – ко второму [Троицкая, 1979, с. 25-30]

Необходимо также отметить: датирующий материал не дает никаких оснований датировать его только I в. до н. э. – I н. э., как это делалось ранее. Найденная на городище Дубровинский Борок-3А панцирная пластина с изображением меча [Троицкая, 1979, таб. XXIX, 1] так называемого прохоровского типа, с прямым перекрестием и дугообразным навершием, не может быть датирована позднее III-II вв. до н. э., так как именно в этот период это оружие получило массовое распространение [Смирнов, 1961, с. 27; Машкова, 1963, с. 34; Клепиков, 2002, с. 29; Васильев В.Н., 2001]. Не противоречит этой дате и найденный на городище бронзовый наконечник стрелы так называемого кулайского типа [Троицкая, 1979, таб. XXX, 6]. Наиболее часто такие наконечники датируют периодом IV-II вв. до н. э. [Чиндина, 1984, с. 35; Корякова, 1988, с. 61].

Изученный нами комплекс керамики Дубровинского Борка-4 распределяется следующим образом: преобладает большещеченская керамика – (50%), 30% сосудов относится к кулайской и 20% – к смешанному типу, т. е. имеют большещеченскую форму и кулайскую орнаментацию. На участке городища Дубровинский Борок-3 преобладает кулайская керамика в сочетании с большещеченскими (3,8%) и смешанными формами посуды (40%). По всей видимости, эти находки отражают одновременное существование двух разнокультурных фратрий, проживающих в обособленных частях городища.

Таким образом, приведенные выше материалы позволяют нам не столь однозначно рассматривать предположение о массовом кулайском вторжении на север Верхнего Приобья. Длительное сосуществование на данной территории большебереченского и кулайского населения скорее говорит о постепенной относительно мирной инфильтрации северного таежного населения в лесостепь. Более того, датировка основных кулайских памятников данной территории (Ордынское-1, Каменный Мыс, Дубровинский Борок) периодом III-I вв. до н. э. и практически полное отсутствие в Новосибирском Приобье керамики саровского этапа ставит под сомнение вторую, более позднюю волну кулайской миграции.

Литература

1. Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка 3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск: НОКМ, 1995. – С. 47-65.
2. Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: УрГУ, 1988. – 240 с.
3. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры // САИ. Д.1–10. – М.: АН СССР, 1963. – 56 с.
4. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.
5. Троицкая Т.Н. Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.
6. Троицкая Т.Н., Романцова В.Д., Матвеева В.И. Археологическая карта побережья р. Уень // Вопросы археологии Сибири: науч. труды НГПИ. Вып. 85. – Новосибирск: НГПИ, 1973. – С. 55-83.
7. Троицкая Т.Н., Романцова В.Д., Соболев В.И. Раскопки в Новосибирской области. // Археологические открытия 1974 года. – М.: 1975. – С. 238-239.
8. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 256 с.
9. Чернецов В.Н. Бронза усть-полульского времени // Древняя история Нижнего Приобья. МИА №35. – М.: АН СССР, 1953. – С. 121-178.